

Милиционер

А кто-то на двери

В отличие от Квентина Тарантино, которому пришлось пересечь океан, чтобы посетить пастернаковские места, мне повезло. Уже несколько лет я живу в Переделкине на улице Павленко и каждый день могу наблюдать, как над частым частым, что отделяет наш участок от дома-музея поэта, нескончаемым ручейком проплывают хорошие лица. Они плывут вдоль аллеи к дому Пастернака и обратно. Школьники, разноязыкие студенты, леди и джентльмены, тетки и дядьки.

Говорят, так было всегда, и можно понять, почему дом опального поэта пытались отнять у семьи дважды: в 1972-м, в самый разгар застоя (почему-то не получилось), и во время агонии режима, в октябре 1984 года. Ровно двадцать лет назад. О том, как это было, вспоминает Наталья Анисимовна ПАСТЕРНАК, директор дома-музея.

— К 1980-м годам в доме остались одни женщины. Дом ветшал. В это время и начали приходить письма следующего содержания: в связи с аварийным состоянием дома просим немедленно его освободить.

— Но ведь в то время дачи писателям-арендаторам ремонтировал Литфонд?

— Да, но только не нам. И хотя мы исправно продолжали оплачивать аренду, нас обрели на изживание. Помогла Майя Луговская, дом все-таки отремонтировали, но в покое не оставили. А в 82-м году нас вызвали повесткой в суд. Нас и Чуковских.

Мотивация была простая: масса писателей не имеет дач для занятия творческим трудом. Поэт умер — освободите помещение.

— Ну да, недаром про дачи писательского городка говорят: «очередь за смертью».

— Мы боролись, как могли: писали всевозможные письма, обращались в разные инстанции, настаивая на

том, что это не просто дача, а исторически-культурное место. Мы зря надеялись.

В тот день я пошла на работу, Лена (внучка Бориса Леонидовича — А. С.-Ш.) — в университет. Они приехали и потребовали у сторожа все ключи от дома. Прокурор, милиционер и понятые... Я примчалась, когда кухня и столовая были уже наполовину разгромлены, а вещи и утварь выставлены и выброшены в сад. Я подошла к окну, смотрю и недоумеваю: почему так тихо, спокойно и красиво на улице? Ведь в такие трагические минуты должны каркать вороны, дрожать стекла. А тут птички, листья. Только черная «Волга» периодически въезжает в ворота, проверяет, как идет выселение, и снова уезжает.

Вдруг на аллее появляется немолодая женщина, поворачивает на наш участок. Я быстро спускаюсь и вижу, как охрана преграждает путь Лидии Корнеевне Чуковской: «Вы куда это?». «Я иду в кабинет Пастернака». «Там уже нет кабинета Пастернака», — заявляет женщина-надсмотрщик. «Вот я и хочу засвидетельствовать момент, когда уже нет кабинета Пастернака».

Лидия Корнеевна посмотрела в сторону поля и церкви и величественно произнесла: «Сегодня, 17 октября 1984 года, день национальной трагедии России». Пообещав, что сама она так просто не сдастся, Лидия Корнеевна ушла. Внизу рабочие очень нервничали и как-то испуганно суетились. Когда я вошла, они как раз подняли рояль и... не удержали. Он грохнулся на пол и разбился прямо посередине комнаты. Его внутренности, струны были буквально вывалены наружу. Рабочие попытались оттащить его в угол, но милиционер ве-

на рояле Нейгауза

разоренного дома написал: «Братцы, что вы делаете?»

лел им оставить все как есть, подошел к роялю, взобрался на него грязными ботинками и ножом срезал вот эту вот люстру.

— Когда-то точно так же большевики разоряли церкви. Но любое богоборчество подразумевает сильные религиозные чувства. Может быть, такое необъяснимо неистовое отношение к дому Поэта приравняло (в их же сознании) этот дом к храму?

— Темнело. Мне пригрозили, что если не подпишу акт о добровольном выселении, то дом сейчас опечатают, а вещи немедленно свезут в гараж городка писателей. Этого я не могла позволить и подписала акт. Пообещав рабочим ящик водки, поехала с грузовиками на московскую квартиру Пастернаков в Лаврушинский.

На следующий день в 9 утра примчалась на дачу. Девчонки-понятые, весело напевая, выносили на улицу горшки с цветами. Ко мне подошел этот самый милиционер и поинтересовался, спала ли я. Оказывается, ему ночью снились кошмары.

Тогда я попыталась ему что-то объяснить, даже расказать, как один очень хороший поэт всего пять минут с официальной трибуны ругал Пастернака, а потом сошел с ума... Позже, из протокола, я узнала, что фамилия милиционера Слуцкий. Он до сих пор ко мне приходит.

Кстати, через много лет меня разыскала в музее мать одной из тех девчонок. Подошла и буквально упала на колени: «Снимите грех с дочери, мы не знали, простите нас. Дочка просила, она бы сама пришла, но живет во Франции...».

...Три дня я отлеживалась. И поехала снова, там ведь оставались рояль и дорогие сердцу мелочи... Ворота, двери и окна — нараспашку. Вокруг дачи, прямо на желтой траве,

сидела молодежь, охраняя вход. По всему саду валялись детские альбомы, гербарии, самодельные елочные украшения, которые так любил Пастернак, его лыжи, одна туфля Зинаиды Николаевны. Кто-то сказал, что только что уехал возмущенный Евтушенко. Какая-то простая на вид женщина пытается оторвать на память кусок деревянной обшивки стены. Вижу — валяется знакомый коврик. Только хочу взять, а его и след простыл. Подхожу к двери, на ней надпись: «Братцы, что вы делаете?». Подобрала какие-то вещи и поехала домой со спасенными мелочами.

Когда вернулась за роялем, дом уже был закрыт, возле него стоял дежурный и лежали пустые бутылки.

Рабочие из мебельного бережно берут рояль и спрашивают: «Этот рояль Пастернака и Нейгауза?». Я кивнула. И тогда кто-то из них жестко и громко произнес слова из Галича: «Мы поименно вспомним всех». Всю дорогу — ни вопроса, ни слова.

— Шесть лет дом Пастернака оставался в таком виде?

— Никто из писателей не осмелился его занять под дачу. Тогда решено было открыть здесь общий литературный музей, братскую литмогилу. Все уже было готово к открытию; на месте стола Пастернака красовался стенд с великим произведением Кожевникова «Щит и меч». Но борьба за музей продолжалась.

И вот наступил 1990 год. До меня уже дошли хорошие вести, и я поехала в Переделкино. Ворота еще оставались заколочены, но была пробита калитка. И в нее шли люди.

● Анна САЕД-ШАХ